

3. Бриллиантов В. Похищение человека или захват заложника? // Российская юстиция. 1999. № 9. – С. 43.

4. Комиссаров В.С. Захват заложников: происхождение нормы, вопросы совершенствования // Законность. 1995. № 3. – С. 45.

5. Сирик М.С. Преступления террористического характера // В сборнике: Интеграция науки и практики в контексте реализации правовой политики государства: исторические и современные проблемы права и правоприменения. Материалы 2-ой Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Е.В. Королук. 2015. С. 151-155.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФАУСТИАНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

*Супранкова Т.С., ст. преподаватель кафедры культурологии
ГБОУ ВО «Белорусский государственный университет», г. Минск*

Аннотация. В статье анализируются аксиологические аспекты концепта фаустианы, сформировавшиеся в немецкой литературе Возрождения и Просвещения, и их влияние на белорусское культурное пространство. В первую очередь рассматривается творчество писателей, которые обращались к топике фаустианы.

Ключевые слова: фаустиана, белорусская литература, немецкая литература, ценности, И.В. Гёте.

Как любая мифологема, фаустиана имеет архетипическую природу, которая зафиксирована еще в древних источниках и которую можно найти в мифах и легендах разных народов на заре зарождения их в культуре. Это архетип бунта, восстания, запрета и нарушения, который был

зафиксирован в библейской истории об Адаме и Еве из Книги Бытия, в апокрифическом восстании ангелов во главе с Люцифером (Книга Еноха), в мифе о Прометее.

Легенда о Фаусте, который также взбунтовался против Бога и законов социума, родилась в Германии во времена Средневековья и была зафиксирована в период Реформации. Неизвестный автор пишет «Историю о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике» («Historia von D. Johann Fausten, dem weitbeschreiten Zauberer und Schwartzkünstler»), известную еще как Народная легенда о Фаусте, которая вышла в свет в издательстве И. Шписа в 1587 г. во Франкфурте-на-Майне. Здесь показан персонаж, который стремится все постичь, используя науку и магию. Народная книга пытается дать своим читателям моральный урок, осуждая поступки Фауста. Даже в конце жизни главный герой не может ничего исправить.

Народная книга пользовалась большим успехом с момента своего выхода в свет, многократно переиздавалась, уже со следующего года начала переводиться на английский (1588–1589), голландский (1592), французский (1598) и другие языки. И сразу же можно говорить о возникновении других произведений на тему Фауста: «Подлинная история Фауста» («Wahrhaftige Historie etc.», 1599) Георга Рудольфа Видмана, источником которой послужила Народная книга, «Жизнь Фауста» (1674) нюрнбергского врача И.Н. Пфитцера, театральные постановки комического характера. Таким образом рождается миф, инициировавший диалог культур, который продолжается по сей день. Английский драматург шекспировской эпохи Кристофер Марло, также обратившись к фаустиане, хотя ничего в судьбе героя поменять не может, но видит титанизм его устремлений и предлагает нам посочувствовать его трагической истории.

Используя опыт немецких коллег, российский исследователь Г. Ишимбаева предлагает ввести еще два ключевых понятия для

исследования данной проблемы: фаустовского и фаустианского. «Понятие фаустианского, с нашей точки зрения, приложимо к литературно-культурным явлениям, близким фаустовской теме, но не тождественным ей и выходящим за пределы сюжета об историческом и легендарном докторе Фаусте. Фаустианская сюжетика имеет библейские корни и в ряде случаев существенно видоизменяется под влиянием фольклора, прежде всего народной сказки о глупых чертях и использующих их хитрых мужиках. Так, фаустианскими, по нашему мнению, являются «Эликсиры сатаны» Гофмана, «Братья Карамазовы» Достоевского, «Так говорил Заратустра» Ницше, «Конец мелкого человека» Леонова, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Москва» Андрея Белого, «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Гелиополис» Юнгера и т. д., где Фауст как таковой отсутствует, но архетипическая связь с сюжетом о сделке человека с демоном налицо.

Особенностью всех фаустовских и фаустианских произведений, заключающих константу вечного сюжета о договоре между человеком и сатаной, является то, что они – более или менее явственно – «окликают» трагедию Гёте. Ее отзвуки слышны то как классические вариации на классическую тему, то как вызывающая пародия на первоисточник. Последнее характерно для сочинений об Антифаусте, антифаустовских и антифаустианских героях и персонажах» [1, с. 5–6].

На польско-белорусской почве таким сюжетом является предание о пане Твардовском, сложившееся на территории Речи Посполитой во второй половине XVI в., приобретая новые интерпретации в течение следующих веков, заимствуя темы из фольклора и средневековых европейских легенд. Сопоставляя данный сюжет фаустианы с немецкой версией, можно увидеть переосмысление в славянских культурных традициях таких ценностных установок, как желание обхитрить нечистую силу, надежду на высшие силы, веру в безграничные возможности

человека. Таким образом, «легенда о Твардовском послужила источником белорусской фаустианы, имея общие топосы и мотивы с немецкой версией, а в дальнейшие эпохи (в первую очередь романтизма) является предметом литературного дискурса» [2, с. 56].

Эпоха Просвещения – определяющий этап в истории Нового времени, когда появляются важные философские концепты и ценностные установки, когда идеи равенства и свободы становятся ключевыми в пересоздании мира, а наиболее важными инструментами при этом должны были выступить искусство и образование. В литературе начинают формироваться новые художественные направления, основанные на рационалистическом сенсуализме. Писатели также отражают эти аксиологические аспекты в своем творчестве, выступая с идеями равенства всех людей, независимо от происхождения, резко критикуя социальное неравенство в обществе, защищая человеческое достоинство, призывая отказаться от тирании, рабства, ограниченности. Начинали появляться произведения, в которых выражалась недовольство существующим порядком жизни, отстаивалась свобода творческой личности, прокламировался самобытный путь развития национальной культуры, особенно это наблюдается в сентиментализме. Вместе с этим возродился интерес к древним сюжетам и темам, которые породили национальные литературы. Они творчески переосмысливались и перерабатывались, становились «вечными», вступая в диалог с другими культурами. Таким шедевром стал «Фауст» И.В. Гёте.

Ранний этап творчества Гёте пришелся на время, когда в литературе начинает формироваться новое художественное направление «Sturm und drang (бури и натиска)». Не удивительно, что народная легенда о чудаке-маге Фаусте, гениальном ученом, прогрессивные взгляды которого резко противоречили нормам его эпохи, так привлекала внимание представителей «Бури и натиска», или штюрмеров. Появилась целая

плеяда произведений фаустианы: «Иоганн Фауст» Пауля Видмана, сценки Я. Ленца, драма «Жизнь и смерть доктора Фауста» Фридриха Мюллера.

В межкультурной коммуникации эпохи Просвещения нельзя не отметить влияния еще одного штюрмера Ф. М. Клингера, чья жизненная судьба была связана с русской культурой конца XVIII – начала XIX вв. Его фаустиана – романы «Фауст, его жизнь, деяния и свержение в ад» (1790), «История Рафаэля д'Окильяса» (1793), «История Джафара Бармекида» (1792–1794), «Фауст восточных стран» (1796). Но Клингер своей художественной образностью и свободолобием пришелся по душе другому времени и оказал влияние на последующую литературную традицию романтизма, в том числе и на белорусских романтиков.

Первая часть «Фауста» (1808 г.) – это произведение со сложной философской проблематикой и жанровой природой. Эта традиция будет продолжена автором и во второй части его бессмертного произведения, которое он писал с 1825 и до последних дней жизни (до 23 марта 1832 года). Даже раскрыть запечатанное оконченное произведение поэт приказал только после своей смерти. Таким образом, «Фауст» становится духовным завещанием писателя современникам и потомкам. Каждая последующая эпоха и культура не обойдет гётевскую версию и попытается дать свою интерпретацию знаменитому сюжету.

С гётевской версии межкультурная коммуникация топоса фаустианы расширяется, миф приобретает сколоченные философские коннотации и новые аксиологические аспекты, которые становятся интересными для европейских философов, писателей, драматургов, художников и кинематографистов. Появляется много версий и модификаций мифосюжета, которые непосредственно или опосредованно отсылают нас к гётевскому тексту, в первую очередь, или к версии народной легенды. В немецкой культуре романтики первыми восприняли аксиологические аспекты фаустианы. Романтический «Фауст» (драматический отрывок) и

произведение фаустинского цикла «Удивительная история Петера Шлемиля» появляются у А. фон Шамиссо. Стихотворение «Доктор Фауст» собирателями фольклора А. фон Арнимом и К. Брентано было размещено в «Волшебном Роге мальчика», а сказочник В. Гауф в год своей смерти (1827) закончил работу над «Мемуарами сатаны», которые выдержаны в лучших традициях «Фауста» Гёте. Х. Д. Грабе пишет драму «Дон Жуан и Фауст», выходит лирико-эпическое произведение «Фауст» Н. Ленау, этот сюжет интересовал и Г. Гейне. Позже многие писатели, философы и культурологи XIX и XX веков (Ф. Ницше, О. Шпенглер, М. Булгаков, Т. Манн и др.) используют топику фаустианы для раскрытия сложных и глубинных вопросов человеческого бытия Нового и Новейшего времени.

В белорусском культурном пространстве одной из первых интерпретаций фаустианы является просветительская «Комедия» (1787) Каэтана Марашевского. В произведении, как и в «Фаусте» И.В. Гёте, обращаясь к сюжетам о грехопадении и о договоре с дьяволом, белорусский драматург в русле просветительских традиций представляет главных героев, сосредотачивая внимание на чувстве человеческого достоинства, внесловности, гуманности, альтруизме и нравственном совершенствовании человека. Важным аспектом является и деистическая идея нравственной победы человека-создателя своей собственной судьбы, и, как это не парадоксально, получить ее «помогает» черт. В лучших традициях Просвещения национальные ценности приобретают универсальные черты, делается акцент на самобытности культуры каждого народа и на важности ее для мирового культурного процесса.

Эпоха романтизма, где фаустианская тема имела невероятную популярность, впервые воплотила фаустианские мотивы в «Дедах» А. Мицкевича. Они угадываются на уровне идей, характеристик персонажей, а также присутствуют целые вставные сюжеты, которые отсылают нас непосредственно к Гёте. В I части во вставной балладе

«Зачарованный юноша» автор показывает фантастический эпизод, где зачарованный юноша, вращаясь в стену, разговаривает с рыцарем из Твардова (паном Твардовским). Здесь можно увидеть отсылку к легенде эпохи Возрождения. Сюжет этого произведения строится на диалоге между молодым человеком и паном Твардовским, отвечающем на его вопросы. Символика зеркала появляется и у Гёте, и у Мицкевича. Зеркало раскрывает перед Фаустом тайны будущего, оно является способом самопознания рожденного заново в Кухне ведьмы героя. Юноша (которого можно отождествить и с лирическим героем), глядясь в зеркало, превращается в стену. Рыцарь Твардовский хочет избавить его от проклятия и уже достал было саблю, чтобы разбить зеркало, но юноша просит вырвать зеркало и подать ему. Молодой человек надеется, что так сможет освободиться, но еще не время, и он превращается в стену. Символ стены также важен для Мицкевича. Находясь в Париже, он написал стихотворение-наследование Горацию «Ehægi monumentum...», где присутствует топоним памятника. Поэт в этом стихотворении и в балладе из «Дедов» (и, как следует из его «Памятника», всем своим творчеством) строит стену от врагов, какую-то волшебную крепость, в которой оказывается его «alter ego» – заколдованный юноша.

«Я. Барщевскому удается с помощью системы художественных образов воспеть самобытность, красоту родного края, напомнить о его славном прошлом. Многие вопросы, которые связаны с самоопределением белорусского народа, имеют и национальный, и универсальный характер. Типологически они близки духовным поискам представителей романтизма польского, русского, немецкого, европейского вообще. Аналогии можно провести и с творчеством И. В. Гёте, в первую очередь с его драматической поэмой «Фауст», тем более что в народных представлениях популярен был образ пана Твардовского, к которому в своем творчестве обращаются известные современники писателя Адам Мицкевич и Томаш

Зан» [3, с. 109]. Самым запоминающимся и ярким в сборнике рассказов является образ Плачки, который символически связывает все произведения. Этот персонаж выглядит бедной сиротой (подчеркивается мотив ее личной потери) и является лейтмотивом «Шляхтича Завальни, или Беларуси в фантастичных повествованиях». Это образ мученицы-Беларуси, которая плачет о своих неразумных детях, он родственен гётевскому Вечно Женственному (*Ewige Weiblichkeit*). Важным мотивом в «Шляхтиче Завальне» является измена, которая расценивается как договор с дьяволом. Неверные сыны Беларуси заключают договор с нечистой силой и таким образом приносят зло на нашу землю.

Очень показательным является описание чернокнижника в рассказе «О чернокнижнике и о драконе, который вылупился из яйца, снесенного петухом». Такие персонажи не живут среди «своих», они приходят извне. И обликом, и манерами, и поведением они противопоставляются обычным людям из деревни. Главный герой фаустианы Мефистофель также отличается своей необычностью, причем она в первую очередь внешняя (очень часто этот герой появляется перед нами в разных обличьях). Метаморфозы имплицитного характера происходят с теми, кто доверяется таким персонажам, как, например, это делает Фауст или герои рассказов Барщевского. Но как правило все договоры с нечистой силой заканчиваются очень трагично.

Не остались в стороне от осмысления мировой фаустианы и авторы XX века. Классик белорусской литературы Янка Купала также стремится приобщить родное слово к лучшим достояниям мировой культуры. Как в «Фаусте» присутствует художественный универсализм, так и у Купалы в драматических поэмах наблюдается сплав стилей. Помимо этого есть и еще одна важная параллель – желание создать произведения универсального и национального характера, чтобы подчеркнуть аспекты, свойственные менталитету их собственного народа и найти то, что

наделено общечеловеческими характеристиками. «Оба автора для достижения своих целей обращаются к миру земному и сверхъестественному, где темные силы природы, злые духи выступают как гипертрофированные аллегории социальных несправедливостей, с которыми встречается бесправная и одинокая личность. Художественный космос произведений предстает как всемогущая мистерия абсурда, которой трудно сопротивляться, как это пытаются сделать главные герои. Наиболее важная фаустианская аллюзия в купаловских драматических поэмах прежде всего проявляется в том, что между миром земным и ирреальным ведется борьба за человека, его достоинство и право на жизнь...» [4, с. 317].

Если обратиться к творческому наследию еще одного классика начала XX века М. Горецкого, то «очень часто можно видеть, как он использует архетипичные, присущие для разных культур мифосюжеты. Нередко в повествование вплетается вставная история: легенда, сон, видение. Неоромантическая концепция двоемирия смешивает в одно реальность и сверхреальность. Это придает произведениям автора не только полистилистичность (что характерно было и для его европейских современников), но и художественный универсализм. Эти приемы были присущи и И. В. Гёте, что воплотилось в бессмертном «Фаусте». Мотивы фаустианы, которые приобрели с шедевром немецкого просветителя мировое звучание, можно встретить и у М. Горецкого» [5, с. 664].

Владимир Короткевич был одним из тех белорусских мастеров слова второй половины XX века, кто сам подчеркивал органическое влияние на свое творчество классики мировой литературы. «Как критик он выступал со статьями об отечественных просветителях Скорине, Купале, Коласе и о классиках мировой литературы Байроне, Гёте и др. Он очень хорошо чувствует включенность отечественного искусства слова в мировой процесс, стремится подышать «животворным», «высоким воздухом

гётевских вершин», восхититься звучанием стихотворения мирового классика и сделать его «нашим» (белорусским). Под последним действием Короткевич всегда в критических работах подразумевает, прежде всего, хороший и качественный перевод текста с языка оригинала, а также переложения, посвящения, переработки отдельных топосов, идей, мотивов в собственном творчестве» [6, с. 510].

В литературном наследии В. Короткевича фаустианские мотивы разрабатываются во многих произведениях эпического, лирического и драматического характера, это отдельные аллюзии либо целые фабульные переложения. Он является одним из первых критиков белорусского перевода «Фауста», выполненного Василием Сёмухой (эссе «И наш “Фауст”»), которое впервые появилось в пятом номере журнала «Маладосць» за 1978 год.

Ярким проявлением интерпретации фаустианы у писателя становится «Легенда о бедном дьяволе и об адвокатах Сатаны», где на уровне композиции, сюжетных ходов, образов можно увидеть аллюзии и реминисценции на «Фауста» И. В. Гёте а также и интерпретаций мировой фаустианы более поздних культурно-исторических эпох (Т. Манн «Доктор Фаустус», О. Шпенглер «Закат Европы» и др.).

Таким образом, белорусская культура вела диалог с европейской посредством переосмысления топики фаустианы еще с эпохи Возрождения и Просвещения. Важной аксиологической составляющей этой топики стали идеи веры в величие человека, в его разум, гуманизм, внесловность. В последующие культурно-исторические эпохи акценты смещаются на символизм, мистические составляющие, мифотворчество, что обусловлено влиянием романтизма, неоромантизма и художественных направлений модернизма.

Литература

1. Ишимбаева Г. Г. Русская фаустиана XX века: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2014.
2. Супранкова Т. С. Истоки топоса фаустианы в германо-славянском межкультурном диалоге // Болгарская русистика. – 2019. – № 1. – С. 45–56.
3. Супранкова Т. С. Белорусская фаустиана на стыке эпох и культур // Contemporary Issues of Literary Criticism XI “Romanticism in Literature. On the Cross-road of Époques and Cultures (Dedicated to the 200th Birth Anniversary of Prominent Georgian Romantic Poet Nikoloz Baratashvili)”: Proceedings of International Symposium / Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, Iv. Javakhishvili Tbilisi State University, Georgian Comporative Literature Association (GCLA), September 27–29, 2017. – Tbilisi: TSU Press, 2017. – Part II. – P. 101–117.
4. Супранкова Т. С. Влияние фаустианы на содержание концепта Родины в драматических поэмах Янки Купалы // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы III Международной научной конференции, Москва 19 апреля 2019 г. – М.: МХПИ, 2019. – С. 311–317.
5. Супранкова Т. С. Влияние фаустианы на содержание концепта родины в “Родных корнях” М. Горьцкого // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы IV Международной научной конференции, Москва 18 сентября 2020 г. – М.: МХПИ, 2020. – С. 663–669.
6. Супранкова Т. С. Мотивы фаустианы в «Легенде о бедном дьяволе и об адвокатах сатаны» В. Короткевича // “Filoloji elmlər innovativ tədqiqatlar kontekstində” adlı Beynəlxalq elmi-praktik onlayn konfrans materialları. – Bakı: Mütərcim, 2020. – S. 509–512.